

УДК 82-6

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-87-101

«Азбучный письмовник» в истории русской литературы

М. Д. Кузьмина

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению наиболее значимого и популярного у читателей древнерусского письмовника – «Азбучного», датируемого исследователями концом XVI – началом XVII в. В работе выдвигается предположение, что он пополнялся и корректировался на протяжении нескольких десятилетий, быстро откликаясь на требования времени и отображая основные процессы, происходившие в русской литературе XVI и особенно XVII в. Письмовник отразил центральную особенность этого периода – взаимодействие традиционного и нового, с акцентом на новое. Он демонстрирует такие открытия русской литературы XVII столетия, как секуляризация, демократизация, беллетризация, индивидуализация. Характерно, что абсолютное большинство образцов посланий – частные письма, родственные и дружеские. Особого внимания заслуживают образцы «антидружеских» писем, часть из которых представляет собой пародию на дружеское письмо. Они составляют органичную часть пародий XVII в. – таких сатирических текстов, как «Калязинская челобитная», «Роспись о приданом», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Праздник кабацких ярыжек, или Служба кабаку». Как известно, пародия играет архиважную роль в переломные периоды развития литературы, каковым и был XVII в. В эту эпоху пародировались в первую очередь самые устойчивые и потому самые узнаваемые жанры – деловой (челобитная, роспись о приданом, судопроизводственные документы и т. п.) и церковной (житие, молитва, акафист, церковная служба и т. п.) письменности. Знаменательно появление наряду с этими пародиями пародий на эпистолярный жанр, свидетельствующих о том, что он вполне сложился, занимает полноправное место в системе жанров литературы, безошибочно опознается авторами и читателями. Более того, сложился и опознается новый, «светский» вариант – дружеское письмо, а отнюдь не учительное, популярное в древнерусской литературе предшествующих столетий.

Ключевые слова

«Азбучный письмовник», послание, письмо, эпистолярный жанр, дружеское письмо, «антидружеское» письмо, пародия, сатира, русская литература XVII в.

Для цитирования

Кузьмина М. Д. «Азбучный письмовник» в истории русской литературы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9: Филология. С. 87–101. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-87-101

“Alphabet Scribe” in the History of Russian Literature

M. D. Kuzmina

*St. Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

The article is dedicated to the study of the most significant and popular Old Russian scribe – “Alphabetical”, written in the late 16th – early 17th century according to researchers. The assumption is made that it was replenished and adjusted over several decades, quickly responding to the demands of the times and reflecting the main processes that took place in Russian literature of the 16th and especially the 17th century. The scribe reflected the central feature of

© М. Д. Кузьмина, 2020

this period: the interaction of the traditional and the new, with an emphasis on the new. It demonstrates such new aspects of Russian literature of the 17th century as secularization, democratization, fiction, and individualization. It is rather telling that the vast majority of sample messages are private letters written for relatives and friends. Particularly noteworthy are the samples of ‘anti-friendly’ letters, some of which are parodies of friendly letters. They make up an organic part of the 17th century parodies, namely such satirical texts as *Kalyazinsky Petition*, *The Dowry Document*, *The Tale of Ersh Ershovich*, *The Service of the Tavern*. As it is known, parodies play a crucial role in the turning periods of literary development, which was the 17th century. In this era, first of all, the most stable and therefore most recognizable genres were parodied: business (petitions, dowry, court documents, etc.) and church (hagiographies, prayers, akathists, church services, etc.) writing. Quite noteworthy is the appearance along with these parodies of the parody of the epistolary genre, indicating that it had fully developed, and occupied a proper place in the system of literature genres, and was unmistakably recognized by authors and readers. Moreover, a new, ‘secular’ version had developed and was recognized: friendly letters, which were by no means educational, unlike those popular in Ancient Russian literature of previous centuries.

Keywords

“Alphabet Scribe”, message, letter, epistolary genre, friendly letter, ‘anti-friendly’ letter, parody, satire, Russian literature of the 17th century

For citation

Kuzmina M. D. “Alphabet Scribe” in the History of Russian Literature. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 9: Philology, p. 87–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-9-87-101

Появление сборников образцов писем, письмовников, – важная веха в развитии эпистолярного жанра в русской литературе. Первые письмовники датируются XV–XVII вв. По подсчетам А. С. Демина, единственного исследователя, уделившего им специальное внимание¹, их около 170. Это очень много. Они свидетельствуют, во-первых, о популярности эпистолярного жанра, во-вторых, о стремлении описать его конститутивные признаки, утвердить их за ним, равно как и утвердить за ним свое определенное место в системе жанров древнерусской литературы. Если прежде, в XI–XIV вв., создавались преимущественно учительные послания, или послания-поучения, отличавшиеся жанровой поливалентностью (неразрывной связью прежде всего с жанрами поучения, слова, проповеди), то в XV–XVII столетиях – на фоне процессов секуляризации, формирования черт Предвозрождения и Возрождения (см., например: [Лихачев, 1967; 1972; 1998. С. 10–14, 71–117]) – эпистолярный жанр претерпевает изменения. Его эволюцию от XV к XVII в. можно проследить по трем наиболее значимым письмовникам: «Неозаглавленному» (XV в.), «Посланием начало...» (XVI в.) и «Азбучному» (XVI или XVII в.²), – каждый из которых очень тесно связан с литературным процессом эпохи, в которую создавался. Наиболее интересен последний. «Азбучный письмовник», или «Сказание начертанья епистолия, предисловия и посланья ко всякому человеку», отличается наиболее демократическим характером. На это в свое время справедливо указал А. С. Демин [1963. С. 203–205]. «Азбучный письмовник» органично связан с русской литературой XVII в., отображая так отличающие ее процессы постепенной секуляризации, демократизации, беллетризации, индивидуализации литературного творчества.

Д. М. Буланин, изучая преломление античных традиций в древнерусской литературе, в частности традиций дружеского письма, остановился именно на этом письмовнике, выделив его как этапный на пути «литературной эмансипации древнерусского письма», «разрыва литературного письма с традициями учительного послания и деловых грамот» [Буланин, 1991. С. 209]. Ученый справедливо обратил внимание на лейтмотивную для данного письмовника тему дружбы («...о дружбе он напоминает на каждом шагу» [Там же. С. 210]), на наличие наряду с дружескими – «антидружеских» писем [Там же], характерных для античного эпистолярного жанра, но не для древнерусской традиции; на расширение круга адресатов («...в их

¹ В 1960-е гг. он посвятил письмовникам кандидатскую диссертацию [Демин, 1963] и целый ряд статей, которые в начале 2000-х гг. опубликовал повторно (см.: [Демин, 2003]), вместе с текстами наиболее значимых и любопытных с литературной точки зрения письмовников. Тем самым ученый указал на актуальность своих прежних наблюдений и на необходимость дальнейшего изучения темы.

²С точки зрения А. С. Демина, письмовник был создан «не позже конца XVI – начала XVII в.» [2003. С. 182]. По мнению В. В. Калугина, он существовал уже до начала 1560-х гг. [1998. С. 136].

число попадают частные лица, связанные с отправителем родственными узами...» [Буланин, 1991. С. 209], «друзья и знакомые» [Там же. С. 210]). А. С. Демин небезосновательно вел речь о том, что в «Азбучном письмовнике» представлены также и любовные послания (мужа – к жене, жены – к мужу, также послание к отроковице) – послания, в которых «говорится о любви» [Демин, 1963. С. 272]. Это одни из ранних образцов любовных посланий в русской литературе; подобные им тексты постепенно появляются на протяжении XVII в. (см.: [Майков, 1889; Лихачев, 1986]). Но все эти новые черты в «Азбучном письмовнике» соседствуют со старыми, по-своему отображая характерный для русской литературы XVII в. процесс взаимодействия старого и нового.

Из двух традиционных для древнерусского эпистолярного письма групп адресатов – официальных лиц Церкви и государства, – к удивлению читателя, осознающего только что обрисованное нами новаторское содержание письмовника, широко представлена первая. В нее входит духовенство и монашество едва ли не всех уровней иерархии: святитель (т. е. архиерей), митрополит, священноинок, священник, старец-«авва» [Азбучный письмовник, 2003. С. 591]³, инок, «великая старица» (с. 589) – монахиня, инокиня-«крылошанка» (с. 600) (т. е. клирошанка) и др. Некоторым из них (святителю, священнику, старцу) адресовано не по одному письму. При этом писем, предназначенных для официальных лиц государства, в особенности властителей (скажем, для царя, князя, вельможи), практически нет. Если и уделяется внимание, то служащим нарочито невысокого уровня. В числе адресатов можно увидеть разве что «царского казначея» (с. 596), «царского палатника» (с. 596), «царского постельника» (с. 596), воеводу, воина. Но весьма немногочисленные письма к ним теряются на фоне преобладающих писем к представителям духовенства и монашества, с одной стороны, и к нечиновным лицам, с другой. Это, во-первых, родственники, во-вторых, друзья (письма к ним особенно широко представлены), нынешние и бывшие, в-третьих, такие «разноплановые» адресаты-знакомые, как «мещанин» (с. 591), «мастер» (с. 592), «учитель» (с. 595), «иконописец» (с. 600), наконец, просто «мудрый человек» (с. 598) и даже «отрок» (с. 598) и «отроковица» (с. 598). Очевидно, для составителя письмовника, вопреки древнерусской традиции, официальные отношения гораздо менее важны, чем личные. Это открытие литературы XVII в., и рассматриваемый письмовник одним из первых демонстрирует новые приоритеты. Примечательно, что образцы посланий в «Азбучном письмовнике» располагаются не по иерархии адресатов, как следовало бы сделать согласно средневековой этикету, а по алфавитному принципу (первая буква первого слова), тем самым как бы утверждается «равноправие» адресатов, а вместе с ним и новые, демократические принципы.

Возможно, среди адресатов так много представителей духовенства и монашества, потому что для составителя письмовника и предполагаемого адресанта, человека рубежа XVI–XVII вв., несмотря на совершающуюся секуляризацию, духовная составляющая жизни остается архиважной. Можно предположить, что автор обращается к святителю и священнику, старцу и старице, иноку и монахине, людям, по большей части духовно опытным, для решения актуальных для него духовных вопросов. Но в эпоху секуляризации важны уже также и сугубо земные вопросы, межличностные связи, повседневно-бытовая составляющая жизни, от которой представительствуют адресаты-родственники, друзья и знакомые.

Очень вероятно, что служащие невысокого ранга – такие, как воевода, воин, «царский постельник», попали в число адресатов, потому что входят в круг общения автора. В письмовнике достаточно часто встречаются послания «К воеводе в полк» и «К другу в полк», окруженные соотносимыми с ними посланиями «К другу», «К воину», «Воеводе». Вполне возможно, что их адресат – одно и то же лицо: воин (воевода) друг. В целом ряде писем его характеристика идентична. Во-первых, это христианин – воин Христов (ср.: «в различных битвах помощью Ангела Господня прославльшему, великому и начальнейшему Архистратигу» (с. 591) – «К воеводе в полк»; «за православную истинную христианскую веру в различ-

³ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

ных битвах различными язвами учащенному» (с. 591) – «К другу в полк»), во-вторых, храбрый, несокрушимый воин (ср.: «непреклонному на враги крепкому стоятелю» (с. 591) – «К воеводе в полк»; «всех храбростию удивльшему» (с. 591) – «К другу же просто»). В-третьих, он изображается во всех отношениях идеализированно – через избытие словесных украшений. Его характеристика составлена из эпитетов – прилагательных в превосходной степени⁴, сравнений и метафор, часто ассоциирующих его со сферой верха (неба) и света (ср.: «начальнейший Стратиг и воевода превознесенный» (с. 591) – «К воеводе в полк»; «зело пребыстрого орла высокопаривого летания храбростию своею и оружием достигаеши...» (с. 591) – «К другу в полк»; «Златые отрасли ветви позлащенные...» (с. 591) – «К другу просто»). В-четвертых, он именуется одинаково – «государем» (с. 591, 599) – «К воеводе в полк», «К другу в полк», «К воеводе», или «государем» и «другом сердечным» (с. 589, 591, 596) – «В полк другу», «К другу же просто», «К воину»). Первая характеристика, очевидно, связана с его официальным статусом и выражает уважительное отношение к нему, которое, как видно из текста письма, им заслужено. Вторая вербализует личное теплое чувство к нему, чувство, которое, как тоже видно из текста письма, и не может быть иным. Первая – вкупе с идеализацией адресата, взглядом автора на него снизу вверх – выполнена в традициях древнерусского учительного и делового послания. Вторая, напротив, находится в поле влияния дружеского письма, все более прочно утверждавшегося в отечественной эпистолографии. Диалектика традиционного и нового, отличающая русскую литературу XVII в., – проявляется в текстах «Азбучного письмовника» на всех уровнях.

Так, здесь налицо неведомое прежним письмовникам и чуждое природе письмовника как таковой стремление максимально точно и полно дифференцировать адресатов. Оно реализуется через привнесение в тексты важных для русской литературы XVII в. индивидуальных черт и обстоятельств частной, повседневной жизни. Адресаты – как представители духовенства и монашества, так и миряне, – характеризуются не только по своему официальному положению (священник, воевода и т. д.), но и по, казалось бы, избыточным для письмовника нюансам этого положения (например, различаются «старец», старец-«авва», «подначальный старец» (с. 590), «старец млад» (с. 591), священник и священноинок и т. п.). Но если официальный статус адресатов – все же достаточно традиционное основание для их дифференциации, то другие применяемые в «Азбучном письмовнике» критерии совершенно новы. Во-первых, это пол (в данном письмовнике впервые появились образцы писем к женщинам, в том числе к мирянкам, и, по всей видимости, не обязательно знатным; как известно, образы незнатных и несвятых женщин – открытие русской литературы XVII в.), во-вторых, возраст (ср.: «К старцу младу», «Ко отроку», «К невесте ко отроковице»), в-третьих, личные отличительные качества (ср.: «К другу книжному», «Ко учителю гордому», «К мудрому человеку»), в-четвертых, сама коммуникативная ситуация и специфика взаимоотношений корреспондентов (ср.: «К другу», «Непостоянну другу с посмехом», «Другу с лаею», т. е. с бранью). В ряде случаев описывается не только адресат, но и адресант (ср.: «От матери к сыну», «От вдовы сыну», «Мужу от жены», «От мужа к жене») и, что, казалось бы, совсем излишне, указывается адрес (ср.: «К воеводе в полк», «К старцу в монастырь», «В монастырь девич», «В лавру»).

Не менее примечательно и ценно, что, стремясь максимально полно дифференцировать адресатов и ситуации эпистолярного общения, составитель письмовника пытается дифференцировать и содержание писем, характер обращения к адресатам. Самый свободный и эмоциональный стиль отличает особенно многочисленную группу посланий – к друзьям. Хотя выше и отмечалось, что в целом ряде текстов характеристика адресата-друга и адреса-

⁴ Справедливо наблюдение А. С. Демина: «Эпитеты он (автор письмовника. – М. К.) почти всегда усиливает приставкой “пре-” (“преизящный”, “превысочайший” <...>) или приставными “велико-”, “много-”, “добро-” (“великоименитый”, “многоплодовый”, “добролиственный”, “остроумный” и т. д.). В составе сложных эпитетов постоянны усилительные дополнения: “многим (здесь и далее курсив Демина. – М. К.) плод подаваеши и *всех... насыщаеши*”...» [1963. С. 198–199].

та-воина идентична, можно найти немало примеров, где она различна. В подобных случаях второй описывается торжественно-почтительно – как «государь великий» (с. 589), «в победе преславный» (с. 591) и т. п. Восторженное отношение к нему обусловлено его заслугами. Первый же, «друг», просто любим. Это ничем не мотивированное чувство буквально переполняет автора послания (и, как он уверен, разделяется адресатом) и изливается в нагромождении тропов, преимущественно эпитетов, которые семантически дублируют друг друга. Например, в послании под названием «Другу же»: «Драгого камыка измарагда, дражайшая драгия, истинныя и нелицемерныя любви рачителю, тиху и благоуветливу слову ласкосердому, образу прекрасному и возлюбленному привету, сердечному другу государю моему имярек» (с. 590). Эти строки говорят о любви, и ни о чем больше.

Но, пользуясь свободой дружеского общения, автор именно этой и только этой группе корреспондентов может выговорить свое недовольство. В подобных случаях он создает «антидружеские», или «ругательные» [Буланин, 1989. С. 191]⁵, как их квалифицирует Д. М. Буланин, письма, которые, как мы уже указывали, наследуют античной эпистолярной традиции. Их примеры в письмовнике малочисленны, но показательны. Это письма к «преждебывшему» другу (с. 593), к «недругу» (с. 594), к «другу с лаею» (с. 594) и «непостоянну другу с посмехом» (с. 595). В каждом из них обличается вероломство адресата, изменившего дружбе.

Первые два – «Другу» и «Недругу» – очень соотносимы между собой. В их основе один из излюбленных приемов древнерусской литературы – прием антитезы положительного и отрицательного героев (ср. в древнерусских текстах: праведник – грешник, свой – враг), которая актуализирована в названиях писем. В данном случае положительный герой – это адресат, в прошлом «друг» (ср.: «Преждебывшему моему приятелю, и сердечному благодетелю, истинным тайнам хранителю...» (с. 593) – «Другу»; «Преждебывшему общему нашему приятелю и сердечному благодетелю...» (с. 594) – «Недругу»), отрицательный герой – он же в настоящем «недруг» (ср.: «...ныне же грех ради моих супротивно обретесе моим неразумием и несмысленным малодушьем неподобный во приятельстве и недостойный в дружбе...» (с. 593) – «Другу»; «...ныне же грех ради наших супротивных обретесе, разумевай, совесть свою прокаженну имеши, такова же, якоже и ты, ни в безбожных языцех не обретается...» (с. 594) – «Недругу»). Как можно заметить, в первой части характеристики автор отдает дань эпистолярной традиции комплиментарного обращения к корреспонденту и за счет маркированной лексики («приятель», «сердечный»), пусть и вводимой очень дозированно, актуализирует традицию дружеского письма. Он как бы напоминает адресату, что тот имел, будучи другом, и что потерял. Вторая же часть характеристики продолжает древнерусскую традицию самоуничижения автора («грех ради моих»). В данном случае она – очень ненадолго и своеобразно – создает обычную для дружеского письма ситуацию «равноправия» корреспондентов, их сердечной близости друг другу. Своеобразие ее в том, что оба позиционируются несовершенными, грешными. Но один изменил дружбе, а другой нет. Это «другой», автор, как бы храня память о прежних отношениях, через уничижительную самохарактеристику смягчает резкий тон дальнейшего текста, если в чем-то и наследующего древнерусской эпистолярной традиции, то традиции обличительного послания. На нее накладывается господствующая традиция античного «антидружеского» письма.

Два других «антидружеских» послания – «Другу с лаею» и «Непостоянну другу с посмехом» – связаны с образцами демократической сатиры, впервые появившимися в русской литературе как раз в XVII в. и приобретшими большую популярность. В особенности с теми из них, в основе которых лежит пародия. Последняя, как известно, играет важную роль в переломные периоды развития литературы, каковым и был XVII в.

Вопрос о пародии по отношению к произведениям демократической сатиры XVII столетия неоднократно поднимался, прежде всего такими крупными специалистами, как В. П. Адрианова-Перетц [1937; 1977], Д. С. Лихачев [1984], Е. К. Ромодановская [1994. С. 165–180].

⁵ Применяемый А. С. Деминым термин «осудительные» [1965. С. 77], на наш взгляд, менее точен.

Он был ими решен единодушно и очень убедительно. Ученые справедливо обратили внимание на своеобразие пародий XVII в., не демонстрирующих таких характернейших для этого жанра черт, как пародирование какого-либо литературного направления, индивидуального авторского стиля, мировоззрения и т. п. (ср. характеристику пародии: [Бен, 1968; Морозов, 1960; Новиков, 1989. С. 5–122; Сысоева, 2013; Тынянов, 1977 а; 1977 б]). «...Средневековая пародия и не может бороться с какими-либо литературными направлениями, поскольку самого понятия о последних еще не существует, оно появится лишь в Новое время. Не могут осмеиваться и автор, его индивидуальный стиль и мировоззрение, поскольку представление об авторской индивидуальности, о “личностном начале” в литературе еще только зарождается и далеко еще не утвердилось», – писала Е. К. Ромодановская [1994. С. 168–169]. Она пришла к заключению, что «средневековая пародия <...> не может быть определена как пародия» в полном смысле этого слова [Там же. С. 175]. К такому же заключению пришли и другие специалисты. «...Древнерусские пародии вообще не являются пародиями в современном смысле, – замечал Д. С. Лихачев. – Это пародии особые – средневековые» [1984. С. 10]. Опираясь на разработанную А. Морозовым классификацию пародии: юмористическая, или шуточная пародия, сатирическая пародия и пародийное использование [Морозов, 1960. С. 68], – Е. К. Ромодановская поставила вопрос об отнесении пародии XVII в. к последнему типу [Ромодановская, 1994. С. 175]. Исследовательница сделала бесспорный и очень важный вывод, подведя итог и своим размышлениям, и размышлениям своих коллег: «...сам факт появления пародии в эпоху перехода от древней литературы к литературе нового времени ставит ее в ряд открытий, предваряющих иную художественную систему, где жанр пародии занимает видное место. Именно поэтому более существенными представляются черты сходства, чем различия между памятниками XVII в. и позднейшими образцами жанра» [Там же. С. 176]. Действительно, пародирование – неотъемлемая часть беллетристики и секуляризации литературы XVII в.

Исследователи русской демократической сатиры XVII в., вторя друг другу, справедливо указывали, что в ней имеет место пародирование не чего-либо иного, как наиболее важной для древнерусской литературы и наиболее устойчивой в ней категории – жанра, определявшего, как известно, и стиль. «Пародируется сложившаяся, твердо установленная, упорядоченная форма, обладающая собственными, только ей присущими признаками – знаковой системой, – указывал Д. С. Лихачев. – Изучая <...> древнерусские пародии, можно составить довольно точное представление о том, что считалось обязательным <...>, что являлось признаком, знаком, по которому мог быть распознан тот или иной <...> жанр» [1984. С. 11]. Поэтому пародировались в первую очередь самые устойчивые и потому самые узнаваемые жанры – деловой (челобитная, роспись о приданом, судопроизводственные документы и т. п.) и церковной (житие, молитва, акафист, церковная служба и т. п.) письменности (ср.: «Калязинская челобитная», «Роспись о приданом», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Праздник кабацких ярыжек, или Служба кабаку» и др.). В этой связи факт пародирования эпистолярного жанра в вышеупомянутых образцах посланий «Азбучного письмовника» – «Другу с лаею» и «Непостоянну другу с посмехом» – архиважен. Рассматривая преимущественно пародии на жанры деловой и церковной письменности, исследователи незаслуженно обошли вниманием пародии на эпистолярный жанр. Между тем последние сигнализируют о том, что он сложился, занимает полноправное место в системе жанров литературы, безошибочно опознается авторами и читателями. Более того, сложился и опознается новый, «светский» вариант – дружеское письмо, ведь «Другу с лаею» и «Непостоянну другу с посмехом», как мы отмечали, представляют собой образцы «антидружеских» писем.

В обоих образцах посланий действует характерный и для других пародий XVII в. механизм: сохраняется узнаваемая жанровая форма, наполняющаяся инородным, совершенно неожиданным содержанием, вследствие чего создается отличающий пародию эффект «невязки» (термин Ю. Н. Тынянова). В рассматриваемых текстах традиция дружеского письма актуализируется за счет заглавия-адреса: «другу», и за счет концовки: «...другу моему имя-

рек» (с. 594) – «Другу с лаею»; «...другу моему сердечному имярек» (с. 595) – «Непостоянну другу с посмехом». В обоих текстах представлено развернутое обращение к адресату, выдержанное в эпистолярных традициях. При всем том в каждом из двух посланий пародия на дружеское письмо рождается по-разному.

В первом, «Другу с лаею», налицо развернутое обращение к адресату, строящееся по принципу «комплимент наоборот», т. е. по сути оно антикомплиментарно. Это пародия на идеализирующую характеристику адресата, традиционную для эпистолярия в целом и для дружеского эпистолярия в частности, в том числе для многочисленных образцов дружеских посланий из «Азбучного письмовника».

А. С. Демин в свое время заметил, что в большинстве посланий «Азбучного письмовника» комплиментарное обращение к адресату содержит «эпитет “крепкий” и синонимичные ему», «все с одним главным значением устойчивости, неизменности, крепости адресата», таким образом, «каждая группа адресатов застывает в своих проявлениях идеально и на вечные времена» [Демин, 1963. С. 199]. Это наблюдение в полной мере распространяется и на дружеские послания. В «антидружеских» же, тоже справедливо обратил внимание исследователь, «все наоборот»: «главная черта» их адресатов – «отсутствие “крепости”, устойчивости, неизменности. Вчера они входили в число друзей, “ныне же обретаются супротивными”» [Там же. С. 200]. Традиционным для дружеских посланий «Азбучного письмовника» характеристикам адресата: «крепость», «неизменность», также, добавим, соотнесенность с верхом, небом, – в послании «Другу с лаею» противопоставлено определение «столп повапленный» (с. 596), т. е., очевидно, ненастоящий и ненадежный. Думается, это отсылка сразу к двум библейским образам. Во-первых, к ветхозаветной вавилонской башне, строительство которой потерпело сокрушительную неудачу (Быт. 11: 1-9). Во-вторых, к евангельским «гробам повапленным» (церк.-слав. окрашенным), которым Христос уподобил фарисеев-лицемеров (Мф. 23: 27-28). Оба образа актуализируют семантему гордыни, амбициозности, себялюбия в степени эгоизма. Вследствие этих качеств началось строительство вавилонской башни, и этими же качествами было вызвано обличаемое Христом поведение фарисеев.

Вытекающей из соотнесенности адресата с верхом, небом характеристике через свет, тоже традиционной для дружеских посланий, в рассматриваемом послании противопоставлена гиперболизированная соотнесенность с тьмой («тьмы темные чаду помраченному», «ефиопу прегордому», «прелести помраченные» (с. 594)) либо же со светом, но искусственным: «телу (т. е. тельцу. – М. К.) позлащенному» (с. 594). Последняя характеристика представляет собой реминисценцию на библейский образ золотого тельца, которого соорудили себе для поклонения иудеи, пока Моисей слишком долго, по их представлениям, беседовал с истинным Богом (Исх. 32: 1-35). Тьма и искусственный свет символизируют заблуждение, отсутствие подлинной веры и света Христова, равно как и чистоты души. Речь опять идет о гордости и чрезмерном себялюбии адресата. «Ефиоп прегордый» не просто предпочел идола истинному Богу. Этот идол, «телец позлащенный», – он сам: до крайности надменный и самовлюбленный, адресат поклоняется только самому себе. Характерно, что в одном из азбучников конца XVI в. к слову «ефиопи» приводится антоним «смирени», т. е. «смиренные», с пояснением, что в Священном Писании бесы именуется «аравлянами и ефиопами, и муринами» (цит. по: [Ковтун, Колесов, 1983. С. 393]). Как в первом послании Ивана Грозного к Андрею Курбскому, так и в рассматриваемом «антидружеском» письме слово «эфиоп» / «эфиопский» также, несомненно, актуализирует семантику «бесовский» (об этом семантическом плане см.: [Каравашкин, 1988. С. 67])⁶.

⁶ Та же семантика актуализирована и в «Повести о Савве Грудцыне», где бесы изображаются «юношами темнообразными», лица которых «...овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны» [Повесть о Савве Грудцыне, 1991. С. 318]. Недоумение главного героя коварно улыбающийся и обманывающий его бес разрешил, объяснив цвет кожи принадлежностью к иной национальности и вере: «Или не веси, яко мнозиязыцы служат отцу моему: идеи, персы и инии мнози?» [Там же].

Не удивительно, что традиционному для дружеского эпистолярного мотиву преодоления расстояния между корреспондентами, их предельной духовной близости в рассматриваемом послании противопоставлен мотив крайнего отчуждения. Подчеркивая инородность и иноверность адресата, автор характеризует его как «ефиопа» и относит к «племени ханаанскому, семени халдейскому, <...> роду ханаанскому», называет «Хамовым прирождением» (с. 594). Эти несколько строк состоят из многочисленных библейских реминисценций. Упоминаются народы, недружественные с иудеями: халдеи, у которых иудеи долгое время были в плену, и ханаане – презируемые иудеями язычники. Тем самым автор продолжает характеризовать адресата как идолопоклонника. А напоминая, что отец Ханаана – Хам, и возводя род адресата к нему, продолжает характеризовать адресата как гордеца: как известно, Хам увидел и объявил другим наготу своего отца, позлорадствовав по поводу его унижения и возгордившись собой; Ной же, узнав о содеянном Хамом, проклял Ханаана и определил ему быть «рабом рабов» у своих братьев (Быт. 9: 20-27).

Итак, нетрудно заметить, что традиционным для эпистолярного образа адресатов-праведников в рассматриваемом послании противопоставлен образ адресата-грешника, эгоиста и лицемера, находящегося в духовной «тьме» и прелести (ср.: «прелести помраченные»). Его крепость, высота и сияние разоблачаются автором письма и объявляются иллюзорными. Перенасыщенность текста библейскими реминисценциями, актуализирующими традицию древнерусского учительного послания, придают гневным инвективам автора беспепелляционность, сверхавторитетность. Учительную интенцию актуализирует также поименование адресата «чадом» («тьмы темные чаду помраченному»). Оно, пусть и на время, ставит адресанта в положение над ним. Но поименование адресата «другом», открывающее и завершающее письмо, априори восстанавливает характерное для дружеского общения «равноправие» и несколько смягчает тон основной части письма. Очевидно, что это поименование очень положительно характеризует самого автора: он, несмотря ни на что, сохраняет дружеское расположение, любовь, доброту, милосердие, – в отличие от своего корреспондента. В результате рождается антитеза автора-праведника и адресата-грешника, «антитеза наоборот», если вспомнить эпистолярную традицию.

Как можно видеть, в послании в целом моделируется обычный для русских пародий XVII в. «мир наоборот». Это образ «антимира» [Лихачев, 1984. С. 17], «мира перевернутого, реально невозможного, абсурдного, дурацкого» [Там же. С. 15], по характеристике Д. С. Лихачева, описавшего его преимущественно через пародии на жанры деловой и церковной письменности. Очень важно, что наблюдения ученого актуальны и для эпистолярного жанра, тем самым представляющего органично включенным в современную ему систему жанров. Цель этого пародийного моделирования «антимира» в послании такая же, как и в других сатирических текстах XVII в.: «...обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности...» [Там же. С. 16]. Конечно, «обнажать правду» было легче всего именно в пародии на дружеское письмо, с учетом тех прав, той свободы общения, которые оно давало.

Но необходимо внести несколько поправок. Во-первых, изображаемый в послании «Друг с лаею» «антимир» не столько «дурацкий», сколько страшный. В этом тексте, на наш взгляд, актуализируется по большей части не секулярное отношение к смеху как к действию дозволенному, а средневековое, относящее его к сфере греховной и потому дьявольской. Моделируемый автором «антимир» предстает именно в «дьявольском» обличье. «Святость исключает смех, – напоминали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский. – Дьяволу (и всему дьявольскому миру) приписываются черты “святости наизнанку”, принадлежности к вывороченному “левому” миру. Поэтому этот мир кощунствен по самой своей сути, то есть несерьезен. Это мир хохочущий, не случайно черт именуется в России “шутом”» [Лотман, Успенский, 1977. С. 154]. «Внешний признак такого смеха», выявленный учеными: «...он не заразителен. Для людей, не связавших себя с сатаной, он не смешон, а ужасен» [Там же], – в полной мере аутентичен для рассматриваемого послания. Характерно, что «дьявольский» «антимир»

в нем моделируется на основе библейских образов (за счет чего происходит сакрализация текста), но с нарочито пейоративной коннотацией, вследствие чего христианские аксиологические ценности преподносятся вывернутыми «наизнанку».

Во-вторых, в отличие от других пародий XVII в., послание «Другу с лаею» категорически не предполагает включенности автора в сферу смехового «антимира», а потому не предполагает и осмеяния автора. Последний отнюдь не «валяет дурака», не «обращает смех на себя» [Лихачев, 1984, с. 15] (см. также: [Бахтин, 1990. С. 11–17]). В «антимир» включен и подлежит осмеянию только адресат письма. Поэтому, в отличие от других пародий, в том числе XVII в., актуализирующих двойную интенцию (с одной стороны, сатиры, а с другой – веселого смеха, юмора, шутки⁷), «Другу с лаею» представляет собой в чистом виде сатиру. Будучи антиподами, адресат и автор этого послания позиционируются как принадлежащие к принципиально разным «мирам»: если первый находится во власти дьявола, то второй, по принципу антитезы, состоит под началом Христа. В этой позиции авторской «внезаходимости» по отношению к изображаемому «антимиру» можно было бы увидеть характерную черту литературы Нового и Новейшего времени, но, поскольку в моделируемом в тексте мире автор все же присутствует, думается, точнее, говорить о начале процесса формирования указанной особенности.

Послание «Непостоянну другу с посмехом» предлагает читателю иной, не менее интересный вариант пародии на дружеское письмо.

Этот текст выстраивается нарочито сходно с другими, непародийными, текстами письмовника. Автор как бы маскирует его под дружеское письмо. Послание открывается комлиментарным, очень образным обращением к адресату. Автор смотрит на него снизу вверх, идеализируя; он описывает его, как и адресатов других посланий, через сферы неба и света: «Уму высокопаривому, кровы насобные проходителю, воздух же и облаки мыслию пробивателю, солнце и месяц и звезды умом и мыслию преходителю, и во вся земные концы парителю...» (с. 595). Заканчивается это обращение более чем традиционно: «...другу моему сердечному имярек» (с. 595). Но между «во вся земные концы парителю» и «другу моему сердечному имярек» стоит фраза: «разуму непостоянному» (с. 595), – совершенно обесценивающая как предыдущий, так и последующий текст. Содержание послания теперь предстает в противоположном свете. Похвалы адресату оказываются иллюзорными – чисто формальными. На поверку он не идеализируется, а высмеивается (симптоматично, что уже в заглавии заявлена интенция «посмеха») и подвергается критике. Как и в послании «Другу с лаею», адресат характеризуется через отсутствие качеств «крепости», «устойчивости», «неизменности». Основу его характеристики в данном случае составляют тропы, содержащие семантику движения: «ум высокопаривый», «проходитель», «пробиватель», «мыслию преходитель», «паритель», «разум непостоянный». Нетрудно заметить, что они синонимичны и потому в совокупности образуют гиперболу. Подчеркивая непостоянство адресата, автор, как это было и в послании «Другу с лаею», подчеркивает свою верность прежним отношениям. Он, несмотря ни на что, называет «непостоянного друга» – «другом» своим «сердечным». Тем самым, как и в послании «Другу с лаею», создается «антитеза наоборот» автора и адресата.

Однако если в послании «Другу с лаею» заявлена только сатирическая интенция и моделируется дьявольский «антимир», в который включен адресат, но никак не автор, то в рассматриваемом тексте ситуация более традиционная, такая же как и в других пародиях XVII в.: моделируемый мир не столько страшный, сколько именно «дурацкий». Описывая

⁷ Оба вида комического – сатира и юмор, – причем в их сочетании, органичны и в целом для пародии как жанра (напомним, А. Морозов выделил такие его разновидности, как юмористическая, или шуточная, пародия и сатирическая), и в частности для пародии XVII в., как и – шире – для древнерусского смеха, для всех тех произведений XVII столетия, которые принято называть сатирическими. Исследователи справедливо указывали на неточность термина «сатирический» по отношению к памятникам русской литературы XVII в. (подробнее о сочетании черт сатиры и юмора в этих памятниках см.: [Адрианова-Перетц, 1937. С. 113–118; Ромодановская, 1994. С. 167; Лотман, Успенский, 1977. С. 148–166].

его, автор «“валяет дурака”», вследствие чего не занимает позиции категорической «внеаходимости» по отношению к этому миру. Чувствуется, что он и адресат легко могут поменяться местами и вволю дурачить друг друга. Дело в том, что, подобно другим пародиям XVII в., послание «Непостоянну другу с посмехом» (исходя из содержания и заглавия: «...с посмехом») позволяет актуализировать разные виды комического. Текст можно прочитать и как подлинно «антидружеский», отповедь неверному другу, и как дружескую шутку. В первом случае это образец сатиры. Во втором – юмора, задолго предваряющего шуточные дружеские послания, по форме грубые, по сути доброжелательные, которые войдут в широкий обиход, скажем, в переписке пушкинского круга и круга Н. В. Станкевича. Единичные образцы подобных писем представлены в XVII в. и за пределами письмовника. Одно из них – шуточное послание стрельцов Никиты Гладкого и Алексея Стрижова к поэту Сильвестру Медведеву, датированное 1680-ми гг., опубликовано в работе Д. С. Лихачева [1984. С. 8]⁸.

Оба рассмотренных нами пародийных послания, в особенности второе, соотносимы с такими «классическими» образцами пародии XVII в., как «Послание дворительное недругу», «Послание дворянина дворянину», «Послание сына, “от наготы гневного”, к отцу», включенные в состав «Азбучного письмовника», разный в разных списках. Эти тексты широко известны за пределами письмовника и не раз привлекали внимание исследователей, поэтому оставим их за пределами нашего внимания.

Разные камертоны эпистолярной коммуникации, апробируемые в «Азбучном письмовнике» и очень перспективные для дальнейшего развития эпистолярного жанра, разительно отличаются от предыдущих.

Стремление разнообразить и индивидуализировать эпистолярную коммуникацию, казалось бы, не предполагаемое письмовником, в «Азбучном письмовнике» проявляется беспрецедентно ярко. Характерно, что он содержит немало писем к лицам, занимающим одно и то же положение (друг, воевода, старец, святитель и др.) или очень близкое, различающееся лишь нюансами («подначальный старец», «млад старец» и т. п.). Эти письма хотя в большинстве своем и очень схожи, – не идентичны друг другу. Обратив внимание на «варьирование посланий к одним и тем же лицам» [Демин, 1963. С. 204], А. С. Демин убедительно объяснял указанную особенность учебными целями. Он обратил внимание, что «Азбучный письмовник» дошел до нас в окружении учебных азбуковников, и резонно предположил, что наряду с ними он применялся в учебных целях. Но важно подчеркнуть, что такой письмовник создается именно в ту эпоху, когда в русской литературе упрочивается установка на индивидуализацию. Составитель не просто учит своих читателей писать письма. Он учит индивидуализировать эпистолярное общение с учетом личностей адресата и адресанта, их взаимоотношений, целей переписки и в целом коммуникативной ситуации. Это важнейшая особенность эпистолярного жанра, очень слабо выраженная в прежних образцах – учительного и делового послания – и впервые так четко представленная в «Азбучном письмовнике». Она и в дальнейшем сохранит актуальность для дружеского письма.

Возможно, именно стремлением к индивидуализации обусловлено то, что в «Азбучном письмовнике» представлены только начала посланий – развернутые обращения к адресатам, содержащие характеристики последних. Пытаясь разнообразить эти обращения, составитель даже не берется предлагать образцы семантом и клаузул. Он как бы оставляет их содержание всецело на усмотрение авторов писем.

При всем том новаторский характер «Азбучного письмовника» все же не стоит переоценивать. Речь может идти не более чем о *стремлении* составителя разнообразить и индивидуализировать эпистолярную коммуникацию. Нельзя признать, что оно очень успешно реализовано. Некоторые послания действительно вариативны, подобно вышерассмотренным «антидружеским» пародийным. Но их не много. В большинстве своем тексты однотипны.

⁸ Интересны также дружеские шутки, ирония, в целом смех и пародирование формы дружеского письма за счет совмещения ее с формой челобитной (вследствие чего рождается «невязка») в эпистолярной царя Алексея Михайловича (см.: [Шунков, 2010. С. 181–191]).

Это позволило А. С. Демину типологизировать адресатов. Разделив их на несколько групп, он отметил, что, во-первых, каждая «...занята одним делом или пребывает в одном состоянии: духовные адресаты молятся, военные воюют, друзья любят и помогают <...>. Во-вторых, каждая группа общается с одним кругом лиц <...>. Матери, сестры, жены живут одиноко: автор сравнивает их с <...> “пустынными горлицами” <...>. В-третьих, каждую группу отличает одна внешняя примета: <...> военные уязвлены “частыми язвами”, друзья имеют “цветущие” лица <...>. Наконец, в-четвертых, каждая группа находится в определенном настроении: духовные адресаты испытывают “бесплотную радость” <...>. Друзья и члены семьи “тихи”, “кротки”, “благоуветливы” <...>. Очень редко автор упоминает женское “улыбание и смех”. Итак, каждая группа у автора словно застыла в характерном положении» [Демин, 1963. С. 197–198]. Соглашаясь с А. С. Деминим, подчеркнем, что автор пытается дифференцировать адресатов внутри каждой группы. Так, в послании «К подначальному старцу» он объявляет своего корреспондента «в послушании пребывающим» (с. 590), а в послании «К старцу ко авве» – «честными сединами преукрашенным» (с. 591).

Но даже подобная простейшая, основанная на чисто внешних признаках дифференциация удается автору не всегда. Например, в посланиях «К иноку» и «К старцу во обитель» корреспонденты получают идентичную характеристику, и оба, как и «подначальный старец» и старец «авва», именуется «великими старцами» (с. 590, 591). Более того, нельзя не отметить, что не только внутри каждой отдельной группы из выделенных А. С. Деминим, но и вообще в большинстве посланий «Азбучного письмовника» образы адресатов схожи, будь то священнослужители, монахи или миряне, родные или знакомые. Все, за исключением «недругов», изображаются, с одной стороны, как благочестивые христиане, а с другой – вследствие этого, как люди, безупречно выполняющие свое земное предназначение. Таким образом, традиционная для древнерусского эпистолярного жанра духовная характеристика адресатов гармонично сочетается с играющей к началу XVII в. все более важную роль «земной».

Не удивительно, что «Азбучный письмовник» пользовался особой популярностью у читателей и дошел до нас в нескольких списках. Его состав в них не просто неодинаков, как мы указывали выше. По удачному определению Д. М. Буланина, из всех письмовников он «наиболее текучий по составу» [1989. С. 191]. Очевидно, что пользователи принимали его как актуальный и демократичный и смело экспериментировали с ним, корректируя его состав. Возможно, текст письмовника корректировался и пополнялся на протяжении второй половины XVI – первой половины XVII в. «Азбучный письмовник» очень быстро испытывал на себе влияние современной ему литературы и одновременно, надо полагать, сам оказывал его. Он ярко отобразил общие тенденции развития русской литературы рубежа XVI–XVII вв.

Список литературы

- Адрианова-Перетц В. П.** Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937. 261 с.
- Адрианова-Перетц В. П.** У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 107–142.
- Азбучный письмовник // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. От Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В. П. Гребенюк. М., 2003. С. 588–600.
- Бахтин М. М.** Творчество Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990. 543 с.
- Бен Г. Е.** Пародия // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1968. Т. 5. С. 604–607.
- Буланин Д. М.** Письмовники // Словарь книжников и книжности Древней Руси: В 3 вып. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. С. 188–193.

- Буланин Д. М.** Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. 465 с.
- Демин А. С.** Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963. 454 с.
- Демин А. С.** Демократическая поэзия XVII века в письмовниках и сборниках виршевых посланий // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 74–79.
- Демин А. С.** Литературные черты древнерусских письмовников // Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. От Илариона до Ломоносова / Отв. ред. В. П. Гребенюк. М., 2003. С. 178–605.
- Калугин В. В.** Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. 416 с.
- Каравашкин А. В.** Способы изображения исторических лиц в посланиях Ивана Грозного // Литература Древней Руси: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1988. С. 57–68.
- Ковтун Л. С., Колесов В. В.** Новый труд о древних теориях искусства на Руси // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 391–400.
- Лихачев Д. С.** Предвозрождение на Руси в конце XIV – первой половине XV в. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 136–182.
- Лихачев Д. С.** Своеобразие исторического пути русской литературы X–XVII вв. // Русская литература. 1972. № 2. С. 3–36.
- Лихачев Д. С.** Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 7–71.
- Лихачев Д. С.** Любовное письмо XVII века // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 389–390.
- Лихачев Д. С.** Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. 3-е изд. СПб., 1998. 206 с.
- Лотман Ю., Успенский Б.** Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.
- Майков Л. Н.** Любовное послание XVII века // Майков Л. Н. Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 229–233.
- Морозов А.** Пародия как литературный жанр (К теории пародии) // Русская литература. 1960. № 1. С. 48–77.
- Новиков В. И.** Книга о пародии. М., 1989. 540 с.
- Повесть о Савве Грудцыне // Русская бытовая повесть XV–XVII веков / Сост., вступ. ст., коммент. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 309–328.
- Ромодановская Е. К.** Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. 232 с.
- Сысоева О. А.** Литературная пародия: проблема жанра // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 330–335.
- Тынянов Ю. Н.** Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977а. С. 198–226.
- Тынянов Ю. Н.** О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1976. С. 284–310.
- Шунков А. В.** Авторское слово в русской эпистографии 2-й половины XVII века (на материале семейной переписки царя Алексея Михайловича) // Acta Neophilologica. 2010. № 12. С. 187–190.

References

- Adrianova-Peretz V. P.** Ocherki po istorii russkoi satiricheskoi literatury XVII veka [Essays on the History of Russian Satirical Literature of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, 1937, 261 p. (in Russ.)
- Adrianova-Peretz V. P.** U istokov russkoi satiry [At the Origins of Russian Satire]. In: Russkaya demokraticeskaya satira XVII veka [Russian democratic satire of the 17th century]. Comp. texts, article and commentary by V. P. Adrianova-Peretz. 2nd ed. Moscow, 1977, p. 107–142. (in Russ.)
- Azbuchnyi pis'movnik [Alphabetical scribe]. In: Demin A. S. O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. Ot Ilariona do Lomonosova [On the Old Russian Literary Work: An Experiment in Typology from the 11th to the Middle of the 18th Century. From Hilarion to Lomonosov]. Ex. ed. V. P. Grebenyuk. Moscow, 2003, p. 588–600. (in Russ.)
- Bakhtin M. M.** Tvorchestvo Rable i narodnaya kul'tura srednevekovya i Rennsansa [The Works of Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. 2nd ed. Moscow, 1990, 543 p. (in Russ.)
- Ben G. E.** Parodiya [Parody]. In: Kratkaya literaturnaya entsiklopediya [Brief Literary Encyclopedia]. In 9 vols. Moscow, 1968, vol. 5, p. 604–607. (in Russ.)
- Bulanin D. M.** Antichnye traditsii v drevnerusskoi literature XI–XVI vv. [Ancient traditions in ancient Russian literature of the 11th – 16th centuries]. München, 1991, 465 p. (in Russ.)
- Bulanin D. M.** Pis'movniki [Scribes]. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of Scribes and Literature of Ancient Russia]. In 3 iss. Ex. ed. D. S. Likhachev. Leningrad, 1989, vol. 2, pt. 2, p. 188–193. (in Russ.)
- Demin A. S.** Demokraticeskaya poeziya XVII veka v pis'movnikakh i sbornikakh virshevykh poslanii [Democratic Poetry of the 17th Century in Scribes and Collections of Verses]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1965, vol. 21, p. 74–79. (in Russ.)
- Demin A. S.** Literaturnye cherty drevnerusskikh pis'movnikov [Literary Features of Old Russian Scribes]. In: Demin A. S. O drevnerusskom literaturnom tvorchestve: Opyt tipologii s XI po seredinu XVIII v. Ot Ilariona do Lomonosova [On the Old Russian Literary Work: An Experiment in Typology from the 11th to the Middle of the 18th Century. From Hilarion to Lomonosov]. Ex. ed. V. P. Grebenyuk. Moscow, 2003, p. 178–605. (in Russ.)
- Demin A. S.** Russkie pis'movniki XV–XVII vekov (K voprosu o russkoi epistolyarnoi kul'ture) [Russian Scribes of the 15th – 17th Centuries (On the issue of Russian Epistolary Culture)]. Cand. Phil. Diss. Leningrad, 1963, 445 p. (in Russ.)
- Kalugin V. V.** Andrei Kurbskii i Ivan Grozni (Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tekhnika drevnerusskogo pisatelya) [Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible (Theoretical Views and Literary Technique of an Old Russian Writer)]. Moscow, 1998, 416 p. (in Russ.)
- Karavashkin A. V.** Sposoby izobrazheniya istoricheskikh lits v poslaniyakh Ivana Groznogo [Methods of Depiction of Historical Persons in the Letters of Ivan the Terrible]. In: Literatura Drevnei Rusi [Literature of Ancient Russia]. Inter. collection of academic papers. Moscow, 1988, p. 57–68. (in Russ.)
- Kovtun L. S., Kolesov V. V.** Novyi trud o drevnikh teoriyakh iskusstva na Rusi [New Work on the Ancient Theories of Art in Russia]. In: Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1983, vol. 37, p. 391–400. (in Russ.)
- Likhachev D. S.** Lyubovnoe pis'mo XVII veka [Love Letter of the 17th Century]. In: Likhachev D. S. Issledovaniya po drevnerusskoi literature [Studies in Ancient Russian Literature]. Leningrad, 1986. p. 389–390. (in Russ.)
- Likhachev D. S.** Predvozhdenie na Rusi v kontse XIV – pervoi polovine XV veka [Pre-Renaissance in Russia in Late 14th – Early 15th century]. In: Literatura epokhi Vozrozhdeniya

- i problemy mirovoi literatury [Renaissance Literature and Problems of World Literature]. Moscow, 1967, p. 136–182. (in Russ.)
- Likhachev D. S.** Razvitiye russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili [Development of Russian Literature of the 10–17th Centuries. Eras and Styles]. 3rd ed. St. Petersburg, 1998. 206 p. (in Russ.)
- Likhachev D. S.** Smekh kak mirovozzrenie [Laughter as a Worldview]. In: Likhachev D. S., Panchenko A. V., Ponyrko N. V. Smekh v Drevnie Rusi [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad, 1984, p. 7–71. (in Russ.)
- Likhachev D. S.** Svoeobrazie istoricheskogo puti Russkoi literatury X–XVII vv. [The Originality of the Historical Path of Russian Literature of the 10–17th Centuries]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1972, no. 2, p. 3–36. (in Russ.)
- Lotman Yu., Uspensky B.** Novye aspekty izucheniya kul'tury Drevnei Rusi [New Aspects of Research of Ancient Russian Culture]. *Literatura* [Literature], 1977, no. 3, p. 148–166. (in Russ.)
- Maykov L. N.** Lyubovnoe poslanie XVII veka [Love Message of the 17th Century]. In: Maykov L. N. Ocherki po istorii russkoi literatury XVII i XVIII stoletii [Essays on the History of Russian Literature of the 17th and 18th Centuries]. St. Petersburg, 1889, p. 229–233. (in Russ.)
- Morozov A.** Parodiya kak literaturnyi zhanr (K teorii parodii) [Parody as a Literary genre (Towards the Theory of Parody)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1960, no. 1, p. 48–77. (in Russ.)
- Novikov V. I.** Kniga o parodii [A Book about Parody]. Moscow, 1989, 540 p. (in Russ.)
- Povest' o Savve Grudtsyne [The Story of Savva Grudtsyn]. In: Russkaya bytovaya povest' XV–XVII vekov [Russian 'Everyday Life' Novels of the 15th – 17th Centuries]. Comp., introduction, comm. A. N. Uzhankov. Moscow, 1991, p. 309–328. (in Russ.)
- Romodanovskaya E. K.** Russkaya literatura na poroge novogo vremeni. Puti formirovaniya russkoi belletristiki perekhodnogo perioda [Russian Literature on the Threshold of a New Era. Ways of Formation of Transitional Russian Fiction]. Novosibirsk, 1994, 232 p. (in Russ.)
- Sysoeva O. A.** Literaturnaya parodiya: problema zhanra [Literary Parody: the Problem of the Genre]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University], 2013, no. 5 (1), p. 330–335. (in Russ.)
- Tynyanov Yu. N.** Dostoevskii i Gogol (k teorii parodii) [Dostoevsky and Gogol (Towards the Theory of Parody)]. In: Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinematography]. Moscow, 1977, p. 198–226. (in Russ.)
- Tynyanov Yu. N.** O parodii [On Parodies]. In: Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinematography]. Moscow, 1977, p. 284–310. (in Russ.)
- Shunkov A. V.** Avtorskoe slovo v russkoi epistolografii 2-i poloviny XVII veka (na materiale semeinoi perepiski tsarya Alekseya Mikhailovicha) [Author's Word in Russian Epistolography of the 2nd Half of the 17th Century (Based on Family Correspondence of Tsar Alexei Mikhailovich)]. *Acta Neophilologica*, 2010, no. 12, p. 187–190. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
23.03.2020

Сведения об авторе

Кузьмина Марина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия); докторант кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

mdkuzmina@mail.ru

Information about the Author

Marina D. Kuzmina, Candidate of Philology, Associate Professor of The Higher School of the Press and Media Technologies of St. Petersburg State University of Industrial Technologies And Design (St. Petersburg, Russian Federation); Doctoral Candidate of Department of the Russian literature of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

mdkuzmina@mail.ru